

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

М. В. СОФРОНОВ

ДЕШИФРОВКА И ИССЛЕДОВАНИЕ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

Первым тангутским текстом, который привлек внимание европейской науки, была секция шестязычной надписи внутри арки ворот Цзюй юн гуань в Великой китайской стене недалеко от Пекина. Исходя из предположения, что содержание каждой секции надписи одинаково, А. Уайли сравнил неизвестную надпись с остальными, язык которых был известен, и установил, что одна ее часть представляет собой связный текст, а другая — транскрипцию санскритского дхарани. Таков был результат первого исследования тангутского текста¹.

В конце прошлого века Г. Девериа обнаружил в Лянчжоу в храме Хуго сы еще одну надпись на том же языке с параллельным китайским текстом. В колофоне китайского перевода было указано, что основная надпись сделана на языке страны Сися — так по-китайски называлось погибшее в результате монгольского нашествия государство тангутов, которое в XI—XII вв. было одной из могущественных стран Центральной Азии².

Первый опыт дешифровки тангутского языка предпринял М. Морис после того, как в 1900 г. к нему попал тангутский вариант Сутры Золотого Лотоса³. М. Морис подтвердил предположение своих предшественников относительно иероглифической природы тангутского письма. Он показал, что каждый тангутский иероглиф передает одну определенную слоговую морфему тангутского языка и имеет постоянное чтение и значение. На основании параллельного китайского текста он раскрыл значения свыше двухсот иероглифов, указал 15 служебных морфем тангутского языка и открыл основные правила тангутского синтаксиса⁴.

До 1909 г. указанные тексты представляли собой основной источник сведений о тангутском языке. Над ними в Германии работали А. Бернгарди и Э. фон Цах, а в Китае — Ло Фу-чан⁵.

Надежда на дешифровку тангутской письменности появилась после того, как в 1906 г. П. К. Козлов обнаружил в так называемом мертвом городе Хара Хото захоронение с замурованной в нем библиотекой. Находка была доставлена в Азиатский музей Академии наук и до сих пор служит основным материалом для исследования тангутской проблемы.

¹ A. Wylie, On an ancient Buddist inscription at Keu-yung-kwan, «Journal of the Royal Asiatic Society», new series, 1, 1870.

² G. Devéria, L'écriture du royaume de Si-Hia ou Tangout, «Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions», 1-ère série, XI, 1, Paris, 1898.

³ Подробнее об обстоятельствах, при которых эта книга попала в руки М. Мориса, см.: Е. И. Кычанов, Звучат линии письмена, М., 1965, стр. 18—19.

⁴ M. G. Morisse, Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue Si-hia, «Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions», 1-ère série, XI, 2, Paris, 1904.

⁵ A. Bernhardi, E. von Zsch, Einige Bemerkungen ueber Si-hia Schrift und Sprache, «Ostasiatische Zeitschrift», 3—4, 1919.

Современный период дешифровки тангутского языка начался после того, как А. И. Иванъев опубликовал описание учебного пособия по китайскому языку для тангутов, носившее название «Перл на ладони»⁶. Все китайские слова здесь имели тангутский перевод и тангутскую транскрипцию, все тангутские — китайский перевод и китайскую транскрипцию. Кроме этого, в переплетах тангутских книг были обнаружены фрагменты тангутских текстов с тибетской транскрипцией. Появление этих транскрипций означало возможность не только раскрытия значений тангутских иероглифов, но также и определения их чтения.

Наибольший вклад в тангутские исследования в 20—30-х годах внес Н. А. Невский. Он начал с составления словаря тангутских иероглифов, куда поместил все знаки, дешифрованные до него и неустанно пополнял этот список. В результате его усилий было определено значение примерно трех с половиной тысяч знаков. С таким словарем уже можно было читать тангутские тексты.

После того как число дешифрованных тангутских иероглифов оказалось достаточным для понимания смысла текстов, стало очевидно, что между чтением текстов и дешифровкой тангутского языка существует еще значительное расстояние. От правил перевода, полученных на билингвах, нужно было перейти к реконструкции собственно грамматики, с помощью которой можно было бы читать оригинальные тексты, не имеющие китайских или тибетских переводов. Но даже создание грамматики не решало проблемы дешифровки языка: тангутский текст должен был зазвучать.

Вначале Н. А. Невский считал, что для дешифровки чтений тангутских иероглифов достаточно знания иноязычных транскрипций — китайских и тибетских. Однако прямых транскрипций оказалось в нем не так уже много — их имели немногим более пятисот иероглифов. И тогда для расширения количества знаков, имеющих иноязычные транскрипции, он решил воспользоваться тангутскими словарями, где особо выделялись группы знаков с одинаковым чтением.

Зная транскрипцию хотя бы одного знака в такой группе, ее можно автоматически распространить на остальные. Однако при этом выяснилось, что транскрипции распределены по группам неравномерно. Группы, содержащие часто встречающиеся знаки, имели много транскрипций, группы с редкими знаками — ни одной.

Одновременно выяснилось, что наличные транскрипции не дают достаточно точного представления о чтении иероглифов. Их общим недостатком является непоследовательность. Но дело не только в ней. Следует иметь в виду, что китайская письменность, с помощью которой сделана основная масса транскрипций, — тоже иероглифическая. Современные чтения китайских иероглифов известны, но чтения XII в. должны быть специально реконструированы. Их реконструкция усложняется тем, что чтение китайских иероглифов, использованных в транскрипции, было диалектным.

Тибетские транскрипции выполнены фонетической слоговой письменностью. В тибетской письменности отдельные знаки алфавита и их сочетания могли читаться по-разному в зависимости от диалекта и периода истории языка. Наши сведения об исторической фонетике и исторической диалектологии тибетского языка настолько скудны, что далеко не всегда можно быть уверенным в том, как читалась тибетская транскрипция во время ее создания.

⁶ A. I v a n o v, Zur Kenntniss der Hsia-Hsia Sprache, «Известия Академии наук», 1909.

К концу 30-х годов Н. А. Невский окончательно утвердился во мнении, что сами по себе иноязычные транскрипции не в состоянии стать основанием для дешифровки чтения тангутских иероглифов. Решение этой проблемы могло быть найдено только в результате тщательного исследования тангутских словарей. Он приступил к работе в новом направлении, но в 1938 г. его исследования прервались. Незавершенные труды были изданы в 1960 г. под названием «Тангутская филология». В 1962 г. его труд был посмертно отмечен Ленинской премией⁷.

В 1950 г. к исследованиям по фонетике тангутского языка приступил японский лингвист Т. Нисида. В его распоряжении находились только «Гомофоны» и иноязычные транскрипции. На основании этих весьма неполных данных он предпринял попытку построить строгую процедуру дешифровки чтения тангутских иероглифов. Эта попытка имеет важное принципиальное значение как первый опыт построения формальной процедуры, но она успеха не имела, потому что «Гомофоны» не содержали достаточной информации для дешифровки фонетики. Это было понятно и самому Т. Нисиде, который в свое первое исследование по тангутскому языку не включил раздел о фонетической дешифровке⁸.

После выхода в свет «Тангутской филологии» Т. Нисида воспользовался словарем Н. А. Невского, где иероглифы, встречающиеся в «Море письмен», имели пометы с указанием на принадлежность к рифме. На основании этих помет Т. Нисида реконструировал словарь, который и в таком виде был уже вполне пригоден для включения в процедуру фонетической дешифровки. Однако на основании помет в словаре воссоздать внутреннюю структуру рифм «Моря письмен», очень важную для фонетической реконструкции, оказалось невозможно. Естественно, что это оказало влияние на результаты дешифровки, опубликованные им в виде двухтомного «Исследования по тангутскому языку»⁹.

В Советском Союзе работа над дешифровкой фонетики тангутского языка возобновилась в начале 1962 г. Основная задача дешифровки состояла в изучении структуры тангутских словарей и разработке ее процедуры. Наиболее удобным внутренним источником дешифровки тангутской фонетики оказался словарь «Море письмен», построенный по хорошо известным образцам фонетических словарей китайского языка.

От китайских словарей такого типа «Море письмен» отличалось значительно большей систематичностью. Слоги тангутского языка в этом словаре были распределены по рифмам в соответствии с их вокалическими частями. Одинаковые слогг объединялись в группы, для которых указывалось чтение по фаньце. Дальнейшие его особенности уже отличаются от китайских фонетических словарей. Внутри каждой рифмы слогг делятся на медиальные классы, а в каждом медиальном классе они упорядочены в соответствии с начальной согласной. Иначе говоря, место в структуре «Моря письмен» представляет собой достаточно точное описание чтения каждого из иероглифов, содержащихся в словаре. Однако это описание немо: можно, например, сказать, что два слога различаются медиалью, но, не выходя за пределы «Моря письмен», невозможно сказать, какова эта медиаль. Для ее установления требуются внешние свидетельства о чтении тангутских иероглифов, т. е. иноязычные транскрипции.

⁷ Н. А. Невский, Тангутская филология, 1—2, М., 1960; Н. И. Конрад, О тангутском языке и тангутской письменности, ВЯ, 1961, 3, стр. 115 и сл.

⁸ Т. Нисида, Сика го то сика мондзи, сб. «Тюб Азия кодай го но бункэн», Токио, 1961.

⁹ Т. Нисида, Сика го но кэнкю, I — Токио, 1964, II — Токио, 1966. См. рец. на эту кн.: ВЯ, 1966, 4; «Народы Азии и Африки», 1968, 1.

По указанным выше причинам иноязычные транскрипции дают лишь общее представление о чтении тангутских иероглифов. Поэтому при исследовании транскрипции было введено понятие звукового типа чтения иероглифов, который строился на основании всех наличных транскрипций. Этого оказалось достаточно для того, чтобы интерпретировать фонетически четкую и последовательную классификацию тангутских слогов в «Море письмен», сделанную тангутскими филологами.

Принципиальная процедура фонетической дешифровки состояла в следующем: определение фонологических классов, различаемых во внутренних источниках реконструкции, а затем их фонетическая интерпретация с помощью иноязычных транскрипций. Фонетическая дешифровка была проведена в два этапа. На первом была проведена общая реконструкция, в результате которой было показано, какие звуки — гласные и согласные — существовали в тангутском языке, но еще не давалось чтение каждого тангутского иероглифа в отдельности¹⁰. На втором — частная реконструкция, в результате которой было дано чтение иероглифов, встречающихся в словарях, по отдельности. Без дешифровки остались те иероглифы, которые находились в несохранившихся частях текста словарей.

Основной процедурой лексической дешифровки тангутского языка или раскрытия значения тангутских иероглифов является сравнение тангутских текстов с параллельными китайскими или тибетскими текстами и установление соответствий между словами. С помощью этой процедуры было раскрыто значение большей части знаков тангутской письменности. Однако параллельные тексты не являются единственным источником наших сведений о значении тангутских иероглифов. В словаре «Море письмен» содержится подробное описание значения каждого иероглифа. Поэтому, когда количество расшифрованных знаков оказалось достаточным для чтения словарных толкований, появилась возможность воспользоваться результатами работы тангутских филологов. Многолетние труды исследователей тангутского языка над раскрытием значений тангутских иероглифов завершились публикацией перевода «Моря письмен» на русский язык, выполненного К. Б. Кепинг, В. С. Колоколовым, Е. И. Кычановым, А. П. Терентьевым-Катанским¹¹.

Грамматическая дешифровка тангутского языка находится в более трудном положении, потому что тангутские филологи не оставили описаний грамматики своего языка. Метод дешифровки грамматики остается в том же виде, в каком им пользовался М. Морис: сравнение контекстов, в которых встречается интересующее исследователя служебное слово, и выявление по параллельному тексту общего значения, которое соотносится со значением искомой лингвистической единицы.

Единицей тангутской письменности является письменный знак, условно называемый иероглифом, который обозначает одну морфему тангутского языка. Ввиду того, что большинство тангутских морфем состоит из одного слога, можно сказать, что каждый тангутский иероглиф передает на письме одну слоговую морфему.

Графическая структура тангутских иероглифов состоит из графических единиц тангутской письменности и способов их соединения. В основе ее лежат восемь элементарных графем, которые геометрически характеризуются непрерывностью и направленностью. Эти графемы тремя

¹⁰ М. В. Софронов, Е. И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка (Предварительное сообщение), М., 1963, стр. 3.

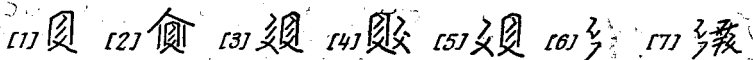
¹¹ «Море письмен». Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и приложения К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова, А. П. Терентьева-Катанского, I—II, М., 1969.

способами — соположением, касанием, пересечением — соединяются в графические элементы, которые могут быть как целым иероглифом, так и его частью.

Графические элементы значимы. Значение иероглифа в целом представляет собой сумму значений графических элементов, которые в нем содержатся, т. е. по способу выражения значения тангутские письменные знаки представляют собой идеографы. Идеал идеографической письменности требует некоторого количества неавтономных графических элементов — носителей элементарных значений, — которые не могут употребляться самостоятельно, а выступают только как части иероглифов. Эти неавтономные графические элементы объединяются в автономные иероглифы, общее значение которых описано в терминах частных значений графических элементов.

Проблема набора неавтономных графических элементов — носителей элементарных значений — не могла, очевидно, быть успешно решена тангутскими филологами. Она не решена и в современной науке. Однако создатели тангутской письменности нашли остроумный выход из положения: они отказались от обязательной однозначности графических элементов своей письменности, а для того, чтобы семантическая структура иероглифа в каждом случае оставалась понятной, каждому иероглифу в «Море письмен» давалось пояснение, где указывалось значение каждого графического элемента в данном иероглифе. Это указание делалось в следующей форме: графический элемент X представляет собой часть иероглифа Y, т. е. графический элемент X выступает в данном иероглифе представителем значения иероглифа Y. Однако создатели тангутской письменности стремились по возможности сохранить постоянство значения хотя бы части графических элементов. Поэтому отношения графических элементов с тем значением, которое они представляют в составе иероглифов, довольно сложны.

По способу связи со значением графические элементы тангутской письменности делятся на два класса. Один из них характеризуется отсутствием постоянного значения: в каждом случае своего употребления графические элементы, входящие в его состав, представляют разные знаки тангутской письменности. Так, например, графический элемент [1] при автономном употреблении означает числительное «восемь». Однако его значение при неавтономном употреблении в составе иероглифов не имеет никакого отношения к указанному числительному. Согласно экспликации «Моря письмен», в иероглифе [2] «парча» тот же графический элемент [1] представляет иероглиф [3] «хороший», а в иероглифе [4] «свет» — [5] «освещение».

Графические элементы другого класса сохраняют постоянство своего значения. Согласно экспликациям «Моря письмен», они во всех случаях своего употребления представляют одни и те же иероглифы. Так, например, графический элемент [6] «вода» всегда представляет знак [7] «вода». Эти графические элементы в работах по тангутской письменности носят название «ключей» или «детерминативов»¹².

В тангутской письменности существует довольно значительная группа специальных транскрипционных знаков, которые не имеют собственного предметного значения. Эти знаки образуются двумя способами. Один из

¹² Е. И. Кычанов, К изучению структуры тангутской письменности, «Краткие сообщ. Института народов Азии АН СССР», 68, 1964, стр. 128.

них полностью соответствует китайскому способу создания иероглифов фонетической категории: к соответствующему по чтению знаку присоединяется ключ «звук», после чего новый знак становится транскрипционным иероглифом. Так создавались знаки для передачи тех слогов иностранных языков, которым имелись соответствия среди слогов тангутского языка. Для передачи слогов, отсутствующих в тангутском, прибегали к транскрипционным иероглифам, построенным по способу фаньце: один графический элемент описывал начальный согласный, другой — вокалическую часть искомого транскрипционного слога.

Некоторое количество знаков тангутской письменности, несомненно, относится к категории фонетической. По этому поводу существует полное согласие всех исследователей тангутской письменности, однако знаки фонетической категории до сих пор не выявлены и не исследованы.

При всей своей оригинальности тангутская письменность обнаруживает явные черты сходства на уровне графем с другими письменностями Дальнего Востока, прежде всего с киданьской. Э. Гринстед даже высказывает предположение, что создателями киданьского и тангутского письма были представители одного и того же рода Елюй¹³.

Для дешифровки чтений тангутских иероглифов имеются источники двух видов — внутренние и внешние. Внутренние источники — это описания фонетики тангутского языка, сделанные имплицитно в фонетических словарях тангутского языка «Море письмен» и «Гомофоны», внешние — это транскрипции тангутских иероглифов средствами китайской и тибетской письменности.

«Море письмен» был составлен в полном соответствии с китайской филологической традицией, поэтому к его исследованию можно было привлечь хорошо разработанную технику построения цепей первых и вторых знаков фаньце для выяснения соответственно консонантизма и вокализма языка, описанного методом фаньце и рифм в фонетическом словаре. «Гомофоны» представляют собой чисто тангутское изобретение. В отличие от «Моря письмен», в этом словаре слоги расположены по начальным согласным. К сожалению, принципы расположения группы внутри класса до сих пор остаются неясными. Поэтому значение «Гомофонов» для фонетической дешифровки состоит в том, что они представляют собой почти полный список знаков тангутской письменности. «Гомофоны» — единственный словарь, который дошел до нас в почти полной сохранности.

К концу XII в., когда составлялась китайская транскрипция тангутских иероглифов, китайская филология располагала вполне развитой техникой транскрипции иностранных языков. При передаче звучания иностранного слова оно делилось на части, которые по своей структуре соответствовали слогам китайского языка, а затем каждой такой части ставился в соответствие китайский слог. Такая транскрипция называлась однослоговой. В тех случаях, когда слог иностранного языка имел такую структуру, которая никак не соответствовала структуре китайского слога, прибегали к созданию транскрипционных биномов. Биномы эрхэ применялись в тех случаях, когда транскрибируемый слог начинался со стечения согласных, которые в китайском языке были невозможны. Биномы фаньце применялись в тех случаях, когда слог иностранного языка состоял из таких частей, которые не могли входить в состав одного слога китайского языка. Обычно при транскрипционных биномах имелось указание, к какому типу они относятся, однако особенностью китайских транскрипций «Перла в руке» было то, что такие указания отсутствовали.

¹³ E. Grinstead, *Analysis of the Tangut script*, Copenhagen, 1973, стр. 13.

Сложность ситуации усугублялась тем, что и тибетские транскрипции характеризуются весьма сложной орфографией. В тибетской письменности стечение согласных в начале слога может означать как реальный пучок в начале слога, так и видоизменение в произношении начального согласного слога или его тона. Поэтому одной из первых проблем дешифровки тангутского консонантизма была проблема структуры слога, а именно выяснение вопроса о том, сколько согласных может находиться в его начале.

С. Вольфенден и Т. Нисида рассматривали эти биномы как эрхэ, отчего в их реконструкциях появились слоги со стечениями двух начальных согласных в начале слога¹⁴. А. А. Драгунов подходил к биномам более осторожно. Он указал, что к биномам эрхэ можно отнести с уверенностью лишь один из классов таких биномов. Решение этой проблемы в целом возможно было лишь в результате интерпретации биномов с точки зрения данных внутренних источников.

Для ее решения пришлось обратиться к классам начальных согласных, реконструируемым по цепям первых знаков фаньце. Если цепь первых знаков фаньце описывает консонантизм слогов с единственным начальным согласным, то и все слоги, описываемые этой цепью первых знаков фаньце, транскрибируются с помощью одиночных транскрипций или биномов типа фаньце. Если же цепь первых знаков фаньце описывает консонантизм слогов со стечением двух начальных согласных, все слоги, описанные с помощью этой цепи фаньце, транскрибируются только биномами типа эрхэ. В результате обнаружилось, что биномы китайской транскрипции, исключая один класс, отмеченный А. А. Драгуновым, относятся к классу фаньце. Биномы эрхэ описывают не стечение начальных согласных, а полуносовые аффрикаты *ndz* и *ndž*, которые не имели соответствий в китайском языке, отчего в китайской транскрипции рассматривались как стечения двух согласных¹⁵. Таким образом, китайские транскрипции свидетельствовали об отсутствии в тангутском языке стечений согласных в начале слога. Однако решающим обстоятельством при исследовании проблемы стечения согласных в начале тангутского слога явилось установление того, что для каждого из циклов тангутских рифм существовали свои особые цепи первых знаков фаньце. Отсюда следовал парадоксальный вывод, что различие между слогами различных циклов тангутских рифм находится не в области вокализма, а в области консонантизма. Тибетская транскрипция тангутских слогов одного из циклов регулярно содержит надписной *r*-. Таким образом, стало очевидно, что разделение рифм на циклы связано с наличием в слогах соответствующих стечений начальных согласных различного типа, один из которых отражен в тибетской транскрипции. Первый или большой цикл образовывали слоги с одним начальным согласным, а последующие малые — слоги со стечением начальных согласных. Первый элемент стечения начальных согласных в слогах второго цикла совершенно не отражен в китайской и слабо отражен в тибетской транскрипции: лишь некоторые глоссы в последней позволяют считать, что этим согласным был *h*-. О первом элементе стечения согласных слогов последнего цикла не известно ничего.

Дешифровка тангутского вокализма также началась с проблемы количества гласных. В «Море письмен» слоги тангутского языка распо-

¹⁴ S. Wolfenden, On the Tibetan transcription of Si-hia words, «Journal of the Royal Asiatic Society», I, 1931; е г о ж е, On the prefixes and consonantal finals of Si-hia and their Chinese and Tibetan transcription, «Journal of the Royal Asiatic Society», IV, 1934; Т. Нисида, Сика го но кэнкю, I, стр. 149.

¹⁵ А. Драгунов, Binoms of the type ni-tsu in the Tangut-Chinese dictionary, «Доклады АН СССР», серия В, 8, 1929.

ложены по 105 рифмам. Теоретически это означает, что и число различных вокалических частей слогов должно составлять 105. Вокалические части слогов могут различаться между собой тремя элементами: слогообразующим гласным, конечным согласным, медиалью, тоном. Последние два признака трактовались в словаре таким образом, что не могли повлиять на количество рифм, поэтому оно могло зависеть только от числа слогообразующих гласных и конечных согласных. Судя по иноязычным транскрипциям, значение конечных гласных как средства различения тангутских рифм было невелико: только в двух рифмах можно было говорить с уверенностью о наличии конечного согласного *-n*. Следовательно, тангутские рифмы могли различаться между собой только медиалью и слогообразующим гласным.

Исследование тангутского вокализма привело к мысли, что последовательность рифм в «Море письмен» не случайна. В ней четко выделялись группы рифм, иноязычные транскрипции которых принадлежали одному и тому же звуковому типу. Последовательность рифм «Моря письмен» начиналась со звукового типа *U*, затем переходила к звуковым типам *E*, *A*, *Ə*, *O*. Во всей последовательности рифм «Моря письмен» этот ряд повторяется трижды полностью и один раз частично. Границы отрезков, содержащих полные наборы звуковых типов, совпали с границами классов рифм, содержащих слоги с различными стечениями начальных согласных. Это означало, что четыре цикла вокалических частей тангутского языка соответствуют четырем типам слогов, различающихся между собой по характеру начального согласного, но не вокалическими частями.

Так появилась возможность утверждать, что максимальный набор единиц тангутского вокализма содержится в первых 58 рифмах «Моря письмен», составляющих первый цикл. Дальнейшее изучение структуры групп рифм, характеризующихся одинаковым звуковым типом в иноязычных транскрипциях, показало, что некоторые рифмы могли различаться между собой только при условии, что, помимо установленных, существовали еще какие-то элементы вокалической части. Этими элементами могли быть только конечные согласные, о существовании которых предупреждал Дж. Клосон еще в начале 60-х годов¹⁶.

Однако, как известно, иноязычные транскрипции тангутского языка не указывают на существование конечных согласных в тангутском слоге. Это расхождение между иноязычными транскрипциями и описанием фонетики тангутского языка в «Море письмен» означает, что словарь и транскрипции отражают два разных состояния языка: они могут быть разными диалектами, но могут быть и разными историческими состояниями. Наиболее вероятным представляется последнее предположение. Как известно, тангутская письменность была введена в действие в 1038 г. Трудно представить себе введение письменности без списка иероглифов, поэтому первый список тангутских иероглифов (скорее всего, это был просто первый тангутский словарь) был составлен в первой четверти XI в. Имеются веские основания считать, что «Море письмен» либо представляет собой первый словарь тангутских иероглифов, либо непосредственно восходит к нему¹⁷. Между составлением первого словаря и иноязычными транскрипциями, относящимися к концу XII в. прошло почти два столетия, за которые фонетика тангутского языка могла претерпеть значительные изменения.

¹⁶ G. Clouston, The future of Tangut (Hsi-Hsia) studies, «Asia Major», new series, XI, 1, 1964, стр. 55.

¹⁷ М. В. Софронов, Некоторые проблемы тангутской филологии, «Народы Азии и Африки», 1971, 4, стр. 119–123.

Таким образом, наличные материалы дают возможность дешифровать два исторических состояния фонетики тангутского языка — начало XI и конец XII в. Дешифровка фонетики тангутского языка конца XII в. в основном завершена. Дешифровка предшествующего состояния проведена лишь частично из-за отсутствия иноязычных транскрипций, которые можно было бы бесспорно отнести к этому времени. Главным источником сведений о фонетике тангутского языка этого времени является «Море письмен». Тангутский консонантизм XI в. был значительно богаче консонантизма XII в. Наряду с глухими придыхательными и непридыхательными смычными и аффрикатами существовали звонкие придыхательные и непридыхательные смычные и аффрикаты, наряду с глухими щелевыми существовали звонкие щелевые. В начале слога могли находиться как простые гласные, так и их стечения, первым элементом которых были *h*-, *g*- и неизвестный согласный, который послужил основанием для выделения четвертого цикла рифм. В конце слога могло находиться не менее четырех конечных согласных, из которых три были смычными *-p*, *-t*, *-k*¹⁸. Исследование сложной медиальной структуры тангутской фонетики только начинается, однако уже сейчас можно сказать, что сонантные глайды типа *-j*- и *-w*- не были единственными медиалами в тангутском языке этого времени. Имеются веские основания считать, что существовали и другие сонантные медиалы, о которых имеются прямые указания в «Море письмен». Однако, к сожалению, мы не располагаем никакими данными — ни транскрипционными, ни сравнительно-историческими — для их интерпретации.

Проблема тонов тангутского языка остается наиболее сложной областью фонетической дешифровки. О наличии тона в тангутском языке свидетельствуют «Море письмен» и фонетические таблицы. Однако «Море письмен» делит все слоги тангутского языка на два тональных класса — ровный и восходящий, а предисловие к фонетическим таблицам называет четыре тона по китайской традиционной номенклатуре. Единственным внутренним источником, где теория четырех тонов проведена последовательно, является так называемый рукописный словарь без названия, сохранившийся лишь в фрагментах.

Одни и те же тангутские слоги трактуются как принадлежащие к разным тональным классам в «Море письмен» и в словаре без названия. При этом в трактовках налицо следующая закономерность — слоги, которые словарь без названия относит к уходящему тону, в «Море письмен» относятся к ровному, а слоги, которые он относит к входящему, в «Море письмен» относятся к восходящему. Это означает, что рукописный словарь без названия расщепляет каждый тон «Моря письмен» на два. Независимо от того, являются ли тонемы, перечисляемые в рукописном словаре без названия и в предисловии к фонетическим таблицам, самостоятельными или они представляют собой варианты тонем, основа расщепления тонов ясна. Для синтетических языков вообще характерна связь между начальным согласным слога и регистром его произношения: слоги с глухими начальными согласными произносятся в высоком регистре, а слоги со звонкими начальными согласными — в низком. Тангутский язык не мог быть исключением. Две трактовки тонов в тангутской филологии свидетельствуют о наличии звонких согласных в определенный период истории тангутского языка.

Дешифровка грамматики тангутского языка, несмотря на практически неограниченные возможности привлечения параллельных текстов на китайском языке, развивалась значительно более медленными темпами по сравнению с дешифровкой его фонетики. Как уже указывалось выше,

¹⁸ М. В. Софронов, Грамматика тангутского языка, I, М., 1968, стр. 90—92.

первые исследователи тангутского языка стремились прежде всего к созданию правил перевода. Первой попыткой создания систематической грамматики тангутского языка было исследование Т. Нисиды¹⁹.

Тангутский текст представляет собой последовательность знаков с одинаковыми расстояниями между ними. Такой способ записи текстов не дает никакого представления о группировке слоговых морфем тангутского языка в единицы более высоких порядков — слова и предложения. Поэтому, даже после того, как было установлено значение тангутской слоговой морфемы по параллельному тексту, всегда оставался открытым вопрос, к какому типу ее следует отнести — к знаменательному или служебному. Этот вопрос был вполне ясным при дешифровке морфем с различным предметным значением, но был значительно менее ясен при дешифровке морфем с другими, более абстрактными, значениями. Например, если некоторая морфема тангутского языка регулярно передается в параллельных текстах с помощью глагола «мочь», то чему она соответствует — модальному глаголу или специальной модальной форме глагола? Аналогичные проблемы возникали при дешифровке любой служебной морфемы тангутского языка. Содержательный метод грамматической дешифровки, которого придерживались первые исследователи тангутского языка, не ставил этого вопроса — для него было достаточно того, что некоторая тангутская морфема обозначала возможность.

Благодаря усилиям первых исследователей тангутского языка и специальным пометам для служебных слов в тангутских словарях, в настоящее время известны все или почти все служебные морфемы тангутского языка. Поэтому в центре внимания исследователей тангутской грамматики находится изучение не только содержательных, но и дистрибутивных свойств тангутских морфем.

Служебные морфемы тангутского языка определенным образом ориентированы относительно соответствующей знаменательной морфемы. Те из них, которые стоят перед знаменательной морфемой, представляют собой префиксы, а те, которые стоят после, — суффиксы, при условии, если между ними не может быть поставлена какая-либо знаменательная морфема.

Наиболее яркой грамматической характеристикой тангутского языка является твердый порядок слов в предложении. Порядок слов тангутского предложения является общим для большинства сино-тибетских языков: подлежащее, дополнение, сказуемое. Определительные отношения также могут создаваться лишь порядком слов. Определение к существительному, выраженное существительным, стоит перед определяемым, определение, выраженное прилагательным — после определяемого. Определение к глаголу, также стоит перед глаголом, независимо от того, выражено оно наречием или прилагательным.

Наряду с грамматически значимым порядком слов в тангутском языке имеется весьма сложная грамматика. Тангутские существительные обозначают не единичный предмет, а совокупность предметов, имеющих соответствующее название. Такой способ именования отразился на особенностях категории числа в тангутском языке: здесь имеется форма множественного числа для существительных, обозначающих лиц, но остальные существительные такой формы не имеют. В тангутском языке имеется система падежей, пространственные отношения между словами передаются с помощью послелогов.

Глагольная морфема тангутского языка, подобно именной, характеризуется такой же обобщенностью значения. Она может обозначать процесс,

¹⁹ Т. Н и с и д а, Сика го то сика мондзи, стр. 418 и сл.

протекающий в любом временном плане, связанный с любым количеством объектов и субъектов действия. Указания на соотнесенность действия глагольной морфемы с временным планом, субъектом или объектом могут быть осуществлены с помощью специального грамматического оформления или контекста. Глагол тангутского языка представляет собой наиболее сложную и богатую формами грамматическую категорию тангутского языка. Среди глагольных форм имеются формы времени, вида, залога, наклонения²⁰.

Тангутское прилагательное обозначает признак, который подобно признаку, обозначаемому глаголом, может изменяться во времени. Поэтому тангутское прилагательное вполне может сочетаться с грамматическими показателями времени, вида, залога, наклонения. Особым отличием прилагательных от глагола является наличие элатива — единственной степени сравнения, означающей высшую степень проявления признака по сравнению с положительной.

В тангутском языке различаются три типа наречий. Качественные наречия представляют собой прилагательные, выступающие в функции наречия. Количественные наречия образуются с помощью специального суффикса и являются тем самым производными. обстоятельственные наречия, вероятно, представляют собой наречия в узком смысле слова; по своему значению они делятся на временные и пространственные.

Тангутские числительные построены по десятичной системе: *ti*¹ «один», *ni*¹ «два», *so*¹ «три», *ldi*¹ «четыре», *ngwa*¹ «пять», *tshieu*¹ «шесть», *šiwu*¹ «семь», *·i*¹ *a*¹ «восемь», *ngi*¹ «девять», *·a*² «десять». Имеются специальные морфемы для обозначения первых чисел пяти десятичных разрядов: *10*⁰ *ti*¹, *10*¹ *·a*², *10*² *·i*², *10*³ *tu*¹, *10*⁴ *khu*².

Определение места тангутского языка среди других языков мира представляет собой весьма сложную задачу как по причине недостаточной изученности фонетики и особенно морфологии самого тангутского языка, так и изученности языков Дальнего Востока, с которыми тангутский язык имеет родственные связи. Первым сравнительным исследованием тангутского языка было исследование Б. Лауфера, которое опиралось на раннюю публикацию А. И. Ивановым транскрипций «Перла на ладони»²¹. Несмотря на большие недостатки исходного материала, В. Лауфер определил его принадлежность сино-тибетским языкам и поместил его в группу вместе с языками лоло и мосо. Однако при нынешнем уровне наших знаний о языках лоло (ипзу) и мосо (наси) можно сказать, что тангутский язык вряд ли стоит считать принадлежащим этой группе. Морфологические соображения побуждают к поискам родственных связей тангутского языка среди языков цян и джарунг, которые, к сожалению, изучены неудовлетворительно. Поэтому сравнительно-историческое изучение тангутского языка представляется делом будущего.

²⁰ К. В. К е р i n g, A category of aspect in Tangut, «Acta orientalia», Copenhagen, XXXIII, 1971.

²¹ В. Л а у ф е р, The Si-hia language. A study in Indo-Chinese philology, «T'ung Pao», 2-me série, XVII, 1916.